

Ю.Н. СТОЛЯРОВ

Игра в слова, или Необоснованные неологизмы в библиотековедении (по поводу новой статьи Р.А. Барышева)

Реферат. Представлен отклик на статью Р.А. Барышева «Проактивность, реактивность и интерактивность в деятельности библиотек» (см. выше: с. 173–183), в которой автор продолжает отстаивать вынесенные в заглавие термины, предложенные им в прежних трудах. Неологизмы в науке вообще и в библиотековедении в частности нужны, они способствуют развитию понятийного аппарата и научной дисциплины в целом. Объективная потребность в неологизмах возникает в случаях, когда обнаружено новое явление, названия которому еще нет, а существующие термины по каким-либо причинам характеризуют его или частично, или искаженно. Чтобы выйти из положения, обычно используют два способа: либо по правилам терминообразования изобретают новое слово, либо заимствуют наиболее подходящее из смежных и сопредельных наук, расширяя его смысл. Приведены иллюстрирующие это положение примеры неологизмов «фондист», «документ», «информационный ресурс», «медиаология». Но потребность во введении предлагаемых Р.А. Барышевым терминов отсутствует, библиотековедение и библиотечная практика обходятся без искусственно заимствованных им из других областей терминов. Необходимость их введения автором не обоснована, а внедрение бесполезно как теоретически, так и практически. В статье Р.А. Барышева отсутствует раскрытие методики того, как обеспечить предвидение информационных потребностей читателей, и нет примеров, иллюстрирующих действенность так называемых проактивных библиотек.

Ключевые слова: библиотека, неологизмы в библиотечной терминологии, активная деятельность, активная система, пассивная деятельность, реактивность, проактивность, интерактивность, интерактивная деятельность, библиотечное документознание, документознание, библиотечное документоведение, документ, документология.

Для цитирования: Столяров Ю.Н. Игра в слова, или Необоснованные неологизмы в библиотековедении (по поводу новой статьи Р.А. Барышева) // Библиотековедение. 2024. Т. 73, № 2. С. 184–190. DOI: 10.25281/0869-608X-2024-73-2-184-190.

Юрий Николаевич Столяров (1938–2024)*,

Российская государственная библиотека,
Центр по исследованию проблем
развития библиотек
в информационном обществе,
главный научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5,
Москва, 119019, Россия

Научный и издательский центр «Наука»
Российской академии наук,
главный научный сотрудник
Профсоюзная ул., д. 90,
Москва, 117997, Россия

Государственная публичная
научно-техническая библиотека России,
главный научный сотрудник
3-я Хорошевская ул., д. 17,
Москва, 123298, Россия

доктор педагогических наук,
профессор
ORCID 0000-0002-9597-4275;
SPIN 7795-3767
yn100@yandex.ru

* Статья поступила в редакцию в сентябре 2023 г.
при жизни автора.

Журналу «Библиотековедение» предложена для публикации статья «Проактивность, реактивность и интерактивность в деятельности библиотек» Р.А. Барышева¹. (В 2022 г. диссертационным советом Российской государственной библиотеки Р.А. Барышеву было отказано в присуждении ученой степени доктора педагогических наук по специальности «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» за диссертацию «Библиотека университета как проактивная система: современные возможности и перспективы развития».) В журнале «Библиотековедение» № 4 за 2022 г. были мотивированно разъяснены методологические и теоретические изъяны его работы, включая попытку введения неологизмов «проактивная» и «реактивная» система [1]. Можно было бы ожидать, что автор внимательно изучил суть высказанных замечаний и предложил научному сообществу исправленный вариант своих современных научных воззрений, хотя бы в части предлагаемых терминологических нововведений. Таковую публикацию читатели восприняли бы с интересом. Но в новой статье автор продвигает прежние термины относительно реактивной и проактивной библиотечной деятельности. Для полноты комплекта к ним добавляется еще слово «интерактивная». Собственно, активная деятельность, составляющая существо работы абсолютного большинства библиотек, задвинута на задний план, о ней говорится вскользь. Ответим на важные вопросы и проанализируем суть предлагаемой идеи, учитывая, что статья публикуется (с. 173—183)² в головном теоретическом органе библиотечной науки.

Когда библиотековедению нужны неологизмы?

Развивающаяся наука без неологизмов обойтись не может. Объективная потребность в них возникает в случаях, когда обнаружено новое явление, названия которому еще нет, а существующие термины по каким-либо причинам характеризуют его или частично, или искаженно. Чтобы выйти из положения, обычно используют два способа: либо изобретают новое слово, либо заимствуют наиболее подходящее из смежных и сопредельных наук, расширяя его смысл. Конкретизирую эту мысль.

В библиотечном фондоведении (еще совсем недавно слово «фондоведение» воспринималось как неологизм, а теперь прочно вошло в библиотечный тезаурус) возникла необходимость

найти собирательный термин для всех, кто занимается комплектованием, учетом, обработкой, размещением, расстановкой, сохранением, безопасностью библиотечного фонда, поскольку необходимость делать полное перечисление в соответствующих случаях, а они довольно часты, сильно утяжеляет профессиональную речь. Собирательный термин было решено построить по нормам словообразования в русском языке: в качестве корня взято слово «фонд», к нему добавлено «ист» (признак специальности применительно к лицам, имеющим отношение к корневому слову). Так, если речь идет о методике, появляется «методист», если о тракторе — «тракторист», если о гитаре — «гитарист», а в общем случае — «специалист». Появился неологизм «фондист», и он вытесняет предложенный несколькими десятилетиями ранее менее удачный, но тоже неологизм — «фондовик», вызывающий ассоциации с инородными для данного случая словами «снеговик», «боровик». Таким образом, если жизнь требует, поиски нового слова происходят, обсуждаются разные варианты и либо принимаются, либо отсеиваются.

Приведем еще один пример (с ним возникают другие сложности). Когда библиотековеды и библиографоведы удостоверились в ограниченности собирательных терминов для краткого обозначения всего многообразия источников информации, из которых состоит библиотечный фонд, а также объект библиографического описания — книга (произведение печати, издание и др.), они привлекли из документоведения, юриспруденции, информатики термин «документ», несколько расширив его значение. Слово оказалось чрезвычайно удобным. Теперь оперирование им в книговедении, библиографоведении и библиотековедении стало законным в буквальном смысле слова: термин вошел в наименование Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [2]. До этого более всего термин использовался в документоведении, и представители этой дисциплины очень ревностно отнеслись к тому, что «их» термин предлагается использовать в других сферах. Документоведы до сих пор ищут новые предлоги для того, чтобы монополизировать слово «документ» и не выпускать его за пределы своей отрасли. Однако библиотековеды и библиографоведы уверенно пошли своим путем. Новое слово органично вошло в библиотечно-библиографическую науку и практику, и дискуссия, вполне оправданная и конструктивная, развернулась вокруг того,

какими теперь новыми терминами можно обогатить нашу отрасль, опираясь на базовое собирательное слово «документ». Отметим публикации в профессиональной периодической печати 1997 г. [3], 1999 г. [4], 2000 г. [5], 2014 г. [6; 7], а также материалы конференций [8], сборники научных трудов [9] и др.

Участь неологизмов подчас оказывается весьма непростой. В случае с «документом» отдельные библиотековеды и особенно библиографоведы свернули с прямого пути и усиленно заменяют прежний неологизм «документ» новым — «информационный ресурс» или просто «ресурс» [10]. Книговед Д.А. Эльяшевич пошел еще дальше: «похоронил» всё книговедение [11; 12] и заменил его своим неологизмом — «медиалогия». Вот здесь норма словообразования нарушена: по-русски приемлемы слова либо «медиалогия», либо «медиелогия» (ср. «медиевистика»). Но дело не только в корректности выражения — разгорелась дискуссия по существу вопроса, в которой принимают участие звезды первой величины в области книговедения, библиографоведения, документологии, поскольку отлично понимают, что за новым термином стоит переосмысление глубинных основ специальности.

Опуская острую критику этих неологизмов (она содержится в ряде публикаций на страницах центральной печати), замечу главное: неологизмы возникают не на пустом месте, а приживаются, только когда библиотечное сообщество убеждается в том, что они действительно уточняют и облегчают профессиональное общение. В этом случае неологизм укрепляется, обогащает и профессиональный язык, и методологические основания дисциплины.

Так, понимая, что стандартное на момент принятия библиографоведением и библиотековедением определение документа как материального объекта с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве [13], для сферы библиотечного и библиографического дела вполне приемлемо, специалисты на интуитивном уровне признают, что, например, протокол совещания как управленческий документ и «Каштанка» А.П. Чехова как элемент библиотечного фонда хотя и подпадают под это определение, все-таки не являются однопорядковыми документами. Если классическое документоведение, при всех его притязаниях на расширительное определение документа, имеет предметом документ только административный, управленческий, то для фондоведения,

имеющего предметом документ библиотечного фонда, требуется некое уточнение как термина «документ», так и изучающей его дисциплины. Возникла потребность еще в одном неологизме, и в его роли было предложено «библиотечное документоведение» [14].

Следом возник новый вопрос: как же в таком случае именовать дисциплину, которая изучает все виды документа безотносительно к области их применения? Пришлось воспользоваться еще одним неологизмом, предложенным в 1930-е гг. П. Отле, — «документология».

Этим терминотворчество, связанное со словом «документ», не ограничилось. Выяснилось, что помимо управленческого и фондового в библиотеке функционирует третий род документа — технологический. Государственные стандарты (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу) уделяют этому роду библиотечных документов самое пристальное внимание, постоянно их обновляя и совершенствуя. Если углубиться в специфику библиотечных документов, убедимся, что в библиотеке прочное место занимают документы еще одного класса — сопроводительные. Кроме того, все циркулирующие в стенах библиотеки и за ее пределами массивы документов разделяются на первичные и вторичные (за которыми просматриваются документы третичные). Требуется дать наименование дисциплине, которая изучает все разнородные классы документов, обеспечивающие нормальное функционирование библиотеки как учреждения? Приходится опять изобретать неологизм. Вот он (публикуется впервые): библиотечное документознание.

К сожалению, до решения всех терминологических вопросов в фондоведении еще далеко. Если задуматься, почему документологам зарубежных стран совершенно непонятна и неинтересна ведущаяся несколько десятилетий и не стихающая дискуссия российских специалистов? У них к этому нет повода, поскольку терминологические проблемы решены. Документ в абстрактном смысле именуется *document*, а документ управленческий — *record*. Все остальные терминологические вопросы автоматически снимаются. В России же отсутствие разных терминов для документов разного назначения постоянно приводит к казусам, к не решаемым десятилетиями схоластическим баталиям. Например, в переводе на русский язык международного стандарта «Управление документами» [15] вынужденно искажен исходный термин: в оригинале речь идет о *records management*,

а вовсе не о documents management. Как ни любят некоторые российские терминологи бездумно калькировать англицизмы, уродуя отечественный словарный запас, в этом случае они все же не перевели record как «рекорд» («запись»). Но вместо того чтобы предложить адекватный неологизм, перевели record словом «документ», исказив тем самым основную смысл важного стандарта. Убожество нашей документологической терминологии приводит к разночтениям в определении документа в разных стандартах, к изначальной невозможности обеспечить единообразие нашей терминологии и международной.

Вопрос о неологизмах действительно существует, вопрос этот важный и чувствительный. Введение неологизмов приветствуется, когда к их применению вынуждают те или иные практические или научные обстоятельства. К выбору слов подходят осмотрительно и взвешенно, после многократного обоснования и обсуждения. Совсем иное дело, когда навязывание неологизмов становится самоцелью, когда они вводятся ради моды, ради оригинальности, без реального обогащения профессионального языка, из желания выдать новое слово (на самом деле привлеченное извне) за новую мысль. Именно к таким относятся термины, на которых настаивает Р.А. Барышев. Рассмотрим внимательно его статью (с. 173—183).

Когда неологизмы вводят в заблуждение?

В начале статьи автор перечисляет новые задачи, которые ставит перед библиотеками «изменение современного информационного пространства» и которые могут быть решены внедрением проактивного подхода (с. 174). Каким образом изменение пространства способно поставить новые задачи, читателю предоставляется решать самому. Затем утверждается, что «возникновение термина “проактивность” берет свое начало в области информатики, где еще в середине XX в. получила распространение теория активных и пассивных систем» (с. 174). В подтверждение даны ссылки на работы, которые, судя по их заглавиям, посвящены только активным системам. Важно, однако, отметить, что в упомянутых работах активные библиотеки вполне корректно противопоставлены пассивным, и такой дихотомический ряд уместен.

Судя по тому, что содержится в материале Р.А. Барышева, никто из названных им информатиков термины «реактивность» и

«проактивность» не использовал. Значит, для утверждения, что возникновение термина «проактивность» «берет свое начало» (а когда же, хотелось бы знать, это начало возникновения окончилось?) почти 75 лет назад в информатике, основания полностью отсутствуют.

Следом выясняется, что полюбившийся автору термин появился в отечественной литературе только в 2011 г., в непрофильных для библиотековедения областях: в психологии и экономических науках. Применяется идея проактивности и в цифровых технологиях «для повышения эффективности бизнес-процессов и улучшения взаимодействия с пользователями» (с. 175). По другим трактовкам проактивность связана с упреждением, пресечением возможной угрозы (с. 175). Автор статьи пересказывает взгляды отдельных специалистов, а читатель ожидает, когда же он дойдет до сути: разъяснения того нового, что дает внедрение новых терминов именно библиотекам.

Оказывается, ничего такого, о чем Р.А. Барышев писал ранее и что не было бы уже раскритиковано и отвергнуто, он не предлагает. Опять речь ведется все о том же, что библиотеки делали и делают без проактивности и реактивности: «формирование актуального спроса на литературу среди пользователей, создание информационных дайджестов с выделением ключевых моментов в публикациях» (с. 176), «список публикаций автора запрашиваемого документа, перечень других работ по данной тематике, формирование комплекта изданий, рекомендованных по изучаемой дисциплине и др.» (с. 176). После этого перечня следует несколько бессодержательных пассажей:

- «Проактивная библиотека призвана помогать ориентироваться в гигантских массивах информации, облегчать поиск источников, держать читателя в курсе важных для него новинок, обучать взаимодействию с информацией, а также развивать научно-исследовательские задачи пользователя» (с. 177) (развивать задачи — это делать что?);

- «Быть проактивным — значит действовать, а не быть объектом воздействия» (с. 177) (а надо ли действовать, если быть просто активным? конечно, надо, ведь этимологически латинское слово «активный» и означает «действующий», но тогда чем проактивный отличается от активного?);

- «Проактивная библиотека — это библиотека, способная изучать себя и окружающую среду и изменяться, чтобы обеспечить

упреждающее развитие по отношению к динамике потребностей всех пользователей» (с. 177) (а если библиотека делает все это, что и происходит повсеместно, не позиционируя себя как проактивную, то тогда как к ней относиться? Р.А. Барышев понятие активной библиотеки полностью исключает из поля зрения).

Библиотеки, с его точки зрения, есть проактивные, реактивные и интерактивные, других — например активных или пассивных — не бывает. Но это всего лишь игра в слова, основанная на их созвучии. На реальную работу библиотек эта словесная эквилибристика никакого воздействия оказать не может.

«Оппозицию проактивности составляет реактивность» (с. 177), — утверждает Р.А. Барышев, пропуская самое распространенное и нормальное состояние — активность библиотеки. Согласимся: понятие реактивности успешно работает в области химии (химические реактивы), техники (реактивные самолеты, реактивные снаряды). Но зачем оно в библиотечном деле? «Оппозицию» активности составляет пассивность. Двух этих давным-давно известных слов вполне достаточно для описания того, что происходит в библиотеках и на что надо нацеливать их деятельность. Но если все же возникнет потребность словарный запас умножить, можно выделить библиотеки сверхактивные, гиперактивные, но только ведь и это — всего лишь слова, из которых ничего не следует.

При раскрытии понятия «интерактивность» читатель тоже не получает чего-либо нового по сравнению с тем, о чем можно прочитать в любой профильной публикации.

В обсуждаемой статье Р.А. Барышева, как и во всех предыдущих его публикациях, нет ни раскрытия методики предвосхищения читательских информационных потребностей, ни одного живого примера, из которого можно убедиться в возможности предугадать хотя бы одной уникальной библиотеке хотя бы одну действительную информационную нужду хотя бы одного читателя. Вместо этого перед нами — словесное кружево, едва прикрывающее пустоту содержания. В сухом остатке представленной статьи остается только претензия автора на то, чтобы сказать в библиотековедении новое слово, надобность в котором напрочь отсутствует. Такие неологизмы библиотековедению без проката, стоит найти нужные слова для действительно новых явлений, процессов, которые расширили бы наш понятийный кругозор и позволили бы выйти на новые научные горизонты.

Примечания

- ¹ Статья Р.А. Барышева поступила в редакцию журнала «Библиотековедение» 21 февраля 2023 года. На основании ее содержания Ю.Н. Столяровым, выступившим в качестве одного из трех рецензентов, был проведен всесторонний анализ научных достоинств и недостатков материала. Он предложил опубликовать свой отклик на статью. Материал Ю.Н. Столярова поступил в редакцию 8 сентября 2023 года.
- ² Статья «Проактивность, реактивность и интерактивность в деятельности библиотек» публикуется в данном номере журнала «Библиотековедение». Здесь и далее в скобках приведены номера страниц статьи Р.А. Барышева.

Список источников

1. Столяров Ю.Н. Идея «проактивной библиотеки» в монографии и диссертации Р.А. Барышева как проявление дилетантизма // Библиотековедение. 2022. Т. 71, № 4. С. 413–421. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-413-421.
2. Об обязательном экземпляре документов : Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1, ст. 1.
3. Швецова-Водка Г.Н. Документный или документальный? Подход не может быть формальным // Библиография. 1997. № 5. С. 33–37. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011806906 (дата обращения: 28.12.2023).
4. Коршунов О.П. Еще раз о терминологии // Библиография. 1999. № 5. С. 156–157. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011806957 (дата обращения: 28.12.2023).
5. Столяров Ю.Н. Термины, производимые от слова «документ» // Научные и технические библиотеки. 2000. № 10. С. 64–68.
6. Виноградова Е.Б. Документологический тезаурус: анализ и использование // Научные и технические библиотеки. 2014. № 5. С. 67–73.
7. Швецова-Водка Г.Н. Ю.Н. Столяров о документологии // Научные и технические библиотеки. 2014. № 6. С. 66–80.
8. Столяров Ю.Н. Документологический тезаурус // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса : Одиннадцатая Международная конференция «Крым 2004». Москва : ГПНТБ России, 2004. 5 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Швецова-Водка Г.Н. Документологическая терминология Ю.Н. Столярова // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань :

- Збірка наукових праць. Київ, 2014. Вип. 8. С. 61–74.
10. Левин Г.Л. Стандартизованная библиографическая терминология: современное состояние // Библиография и книговедение. 2023. № 1. С. 73–97. DOI: 10.25281/2411-2305-2023-1-73-97.
11. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Книга и книжное дело в XIX–XX веке : труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 55–81.
12. Эльяшевич Д.А. О «ренессансе библиологии», книговедении и не только // Потенциал библиотеки в современном мире : трансформации, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара, 25 мая 2021 г. / Самарский государственный институт культуры ; под общ. ред. М.Г. Вохрышевой. Самара, 2021. С. 117–126.
13. ГОСТ 16487–83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Москва : Государственный комитет СССР по стандартам. 12 с.
14. Столяров Ю.Н. Библиотечное документоведение // Научные и технические библиотеки. 2021. № 5. С. 61–72. DOI: 10.33186/1027-3689-2021-5-61-72.
15. ГОСТ Р ИСО 15489-1–2019. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы. Москва : Стандартинформ, 2019. 17 с.

A Game of Words, or Unjustified Neologisms in Library Science (Regarding a New Article by R.A. Baryshev)

Yury N. Stolyarov,

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia
Scientific and Publishing Centre “Science” of the Russian Academy of Sciences,
90 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia
Russian National Public Library for Science and Technology, 17, 3rd Khoroshevskaya Str.,
Moscow, 123298, Russia
ORCID 0000-0002-9597-4275; SPIN 7795-3767; yn100@yandex.ru

Abstract. A response to R.A. Baryshev’s article “Proactivity, Reactivity and Interactivity in Library Activity” (pp. 173–183) is presented, in which the author continues to defend the terms proposed by him in his previous works. Neologisms in science in general and in library science in particular are necessary, they contribute to the development of the conceptual apparatus and scientific discipline as a whole. The objective need for neologisms arises when a new phenomenon is discovered, which has no name yet, and the existing terms for some reason characterize it either partially or distorted. To get out of the situation, usually use two ways: either according to the rules of terminology invent a new word, or borrow the most appropriate from related and neighboring sciences, expanding its meaning. Here are examples of neologisms “fondist”, “document”, “information resource”, “medialogy” that illustrate this provision. But there is no need to introduce the terms proposed by R.A. Baryshev, library science and library practice do without the terms artificially borrowed by him from other fields. The necessity of their introduction is not justified by the author, and their introduction is useless both theoretically and practically. The article by R.A. Baryshev does not reveal the methodology of how to anticipate the information needs of readers and there are no examples illustrating the effectiveness of the so-called proactive libraries.

Key words: library, neologisms in library terminology, vigorous activity, active system, passive activity, reactivity, proactivity, interactivity, interactive activity, library document science, document science, library documentology, document, documentology.

Citation: Stolyarov Yu.N. A Game of Words, or Unjustified Neologisms in Library Science (Regarding a New Article by R.A. Baryshev), *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2024, vol. 73, no. 2, pp. 184–190. DOI: 10.25281/0869-608X-2024-73-2-184-190.

References

1. Stolyarov Yu.N. The Idea of “Proactive Library” in R.A. Baryshev’s Monograph and Dissertation as Manifestation of Dilettantism, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2022, vol. 71, no. 4, pp. 413–421. DOI: 10.25281/0869-608X-2022-71-4-413-421 (in Russ.).
2. On Obligatory Copy of Documents: Federal Law of December 29, 1994, no. 77-FZ, *Collected Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 1, art. 1 (in Russ.).
3. Shvetsova-Vodka G.N. Documentation or Documentary? The Approach Cannot Be Formal, *Bibliografiya* [Bibliography], 1997, no. 5, pp. 33–37. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011806906 (accessed 28.12.2023) (in Russ.).
4. Korshunov O.P. Once Again About Terminology, *Bibliografiya* [Bibliography], 1999, no. 5, pp. 156–157. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011806957 (accessed 28.12.2023) (in Russ.).
5. Stolyarov Yu.N. Terms Derived from the Word Document, *Nauchnye i tekhnicheski biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2000, no. 10, pp. 64–68 (in Russ.).
6. Vinogradova E.B. Documentological Thesaurus: Analysis and Use, *Nauchnye i tekhnicheski biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2014, no. 5, pp. 67–73 (in Russ.).
7. Shvetsova-Vodka G.N. Yu.N. Stolyarov About Documentology, *Nauchnye i tekhnicheski biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2014, no. 6, pp. 66–80 (in Russ.).
8. Stolyarov Yu.N. Documentological Thesaurus, *Libraries and Information Resources in the Present-Day World of Science, Culture, Education and Business: The 11th International Conference “Crimea 2004”*. Moscow, GPNTB Rossii Publ., 2004, 5 p. (in Russ.).
9. Shvetsova-Vodka G.N. Documentological Terminology of Yu.N. Stolyarov, *Terminology of Document Science and Related Field of Knowledge: collected articles*. Kiev, 2014, issue 8, pp. 61–74 (in Russ.).
10. Levin G.L. Standardized Bibliographic Terminology: The Modern State of Art, *Bibliografiya i knigovedenie* [Bibliography and Bibliology], 2023, no. 1, pp. 73–97. DOI: 10.25281/2411-2305-2023-1-73-97 (in Russ.).
11. Ehlyashevich D.A. Bibliology: Life After Death, *Book and Book Business in the 19th–20th Century: Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture*. 2018, vol. 217, pp. 55–81 (in Russ.).
12. Ehlyashevich D.A. “Renaissance of Bibliology”, the Book Studies and More, *Library Potential in the Modern World: Transformations, Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Samara, May 25, 2021*. Samara, 2021, pp. 117–126 (in Russ.).
13. GOST 16487–83. *Case Management and Archival Business. Terms and Definitions*. Moscow, Gosudarstvennyi Komitet SSSR po Standartam Publ., 12 p. (in Russ.).
14. Stolyarov Yu.N. Library Documentology, *Nauchnye i tekhnicheski biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2021, no. 5, pp. 61–72. DOI: 10.33186/1027-3689-2021-5-61-72 (in Russ.).
15. GOST R ISO 15489-1–2019. *System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Information and Documentation. Document Management. Part 1. Concepts and Principles*. Moscow, Standartinform Publ., 2019, 17 p. (in Russ.).

Две статьи, представленные в разделе «Образование – Профессия», посвящены острой теме, вызывающей дискуссии в научном сообществе. Приглашаем всех заинтересованных исследователей принять участие в обсуждении.